

во втором стихотворении – им оказывается всепобеждающая вера:

*Дай мне, Господи, силы,
Дай мне, Господи, слабость,
Чтобы ясно и просто сказать
– У преддверья могилы –
Что бессмертье и радость
У любви никому не отнять (239).*

Победа над немотой осмысливается Смоленским как победа над смертью, поэзия же, по его убеждению, способна приблизить к бессмертию. Эта идея является доминирующей в одном из последних стихотворений, «Я слишком поздно вышел на свиданье...»:

*Я стал немым, но лира плачет в мире,
О Господи, дай смерть такую, чтоб
В гробовой тьме я прикасался к лире,
Чтоб лирой стал меня обьявший гроб
(248).*

Вступая в поэтический диалог с Лермонтовым, Тютчевым, Блоком, Г. Ивановым и другими поэтами, Смоленский развертывает в своей лирике вполне оригинальное осмысление музыки и тишины как противостоящих друг другу метафизических начал бытия. Религиозно-мистическая трактовка музыки и тишины, связанная с идеей преображающего жизнь искусства, а также глубоко трагическое и в то же время просветленное мироощущение поэта выделяют его творчество из литературного наследия Русского Зарубежья. Многие в лирике Смоленского дает основание говорить о причастности поэта к традициям русской философской поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Терапиано Ю.К. Памяти Владимира Смоленского // Русская мысль. – 1961. – 25 ноября. – № 1773. – С. 6–7.
2. Померанцев К.Д. Об искусстве? (По случаю выхода полного собрания сочинений Владимира Смоленского) // Новое русское слово. – 1957. – 24 ноября. – № 16 (220). – С. 8.
3. Белый А. Стихотворения и поэмы. – Т. 2. – М.; СПб., 2006. – С. 61–64.
4. Смоленский В.А. О кризисе и Поэзии // Меч. – 1934. – № 1/2. – С. 8–9.
5. Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, стихотворения В.А. Смоленского цитируются по изданию: Смоленский В.А. «О гибели страны единственной...»: Стихи и проза. – М.: Русский путь, 2001. – 288 с., ил. (с указанием номера страницы в круглых скобках).
6. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. – Т. 1: Стихотворения. 1828–1841 / вступ. ст., примеч. И.Л. Андроникова. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 374.
7. Смоленский В.А. Рабам покорным бытия... // Возрождение. – 1936. – 16 апреля. – № 3970. – С. 4.
8. Смоленский В.А. «Портрет без сходства» Г. Иванова // Возрождение. – 1954. – № 32. – С. 140.
9. Смоленский В.А. Мистика Александра Блока // Возрождение. – 1955. – № 38. – С. 91.
10. Там же. – С. 99.
11. Там же. – С. 96.
12. Смоленский В.А. Рабам покорным бытия... // Возрождение. – 1936. – 16 апреля. – № 3970. – С. 4.
13. Злобин В.А. Поэт нашего времени. В. Смоленский (К выходу его собрания стихотворений) // Возрождение. – 1957. – № 70. – С. 86.
14. Адамович Г.В. Полн. собр. стихотворений / сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. О.А. Коростелева. – СПб.: Академический проект; Эльм, 2005. – С. 67.
15. Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3 т. – Т. 1: Стихотворения. – М.: Согласие, 1993. – С. 285.
16. Терапиано Ю.К. Встречи: 1926–1971. – М.: In-trada, 2002. – С. 188.

УДК 801.81

Кирьянова Е.Н.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ МОТИВЫ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ*

Аннотация. В статье анализируются центральные мотивы двух первых сборников Марины Цветаевой «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь». Русский и европейский фольклор, литературные произведения, любовь к которым привила юному поэту мать

с раннего детства, оказали огромное влияние на формирование поэтического мировоззрения Цветаевой.

Ключевые слова: книги, фольклор, детство, мотив, ранняя лирика.

* © Кирьянова Е.Н.

E. Kirianova

FOLKLORE AND LITERARY MOTIVES
IN THE TSVETAIEVA'S EARLY LYRIC POETRY

Abstract. The central motives of the two first Tsvetaeva's collections "Evening album", "Magic light" are analyzing in the article. The young poets mother instilled love in Russian and European folklore and other literary works and those ones influenced the formation of the poetic view of Tsvetaeva.

Key words: motive, early lyric poetry, childhood, books, folklore.

В своих «Воспоминаниях» [4] Анастасия Цветаева во множестве обрывочных фактов, воедино связанных лишь ее несомненным талантом, раскрывает мир «детского жития» своего и сестры Марины, в котором реальность биографическая так тесно и удивительно переплетается с реальностью иной – литературной – и выходит, что множество первых ярчайших воспоминаний юным сестрам давали вовсе не события повседневности, а волшебный мир книг и музыки, который открыт им был с самого детства.

Важно отметить, что литературные мотивы занимают важное место в ранних текстах Цветаевой, хотя останутся образы (Дон Жуан, Кармен), взятые ею из книг, к которым Цветаева будет возвращаться в разные периоды творчества. Что же касается фольклорных мотивов, то интерес к ним в полной мере возникнет у Цветаевой в 20-е годы. В этот период Цветаева напишет поэмы «Царь-Девушка» (1920 г.) и Молодец» (1924 г.).

Конечно, что может быть ожидаемое, чем привычка к книгам с юных лет в семье двух столь образованных и увлеченных искусством людей, как Мария Александровна Мейн и Иван Владимирович Цветаев. Во многом это действительно так: от отца, знаменитого филолога-классика, сестрам досталась любовь к античности, от матери, талантливой, но несостоявшейся пианистки, – к музыке и европейской культуре, от обоих – к литературе и труду.

Литературный мир сестер Цветаевых огромен, он вне временных эпох и территориальных границ, что нашло отражение в творчестве Марины: в нем древнегреческие мифы соседствуют со сказками Гофмана, а народные предания с английскими романами.

Знавшая несколько языков, Мария Мейн, будучи натурой впечатлительной по сути своей и, кажется, весьма романтичес-

кой, рано познакомила дочерей с книгами. В семье было заведено чтение вслух: вечерами, о чем вспоминает Анастасия, мать «приходила наверх (в детскую) читать какую-нибудь любимую книгу» [4, с. 122], и сестры тут же бросались усаживать ее на уложенный подушками и одеялами стул, или читали в комнате матери, на диване под шубой.

Сам процесс чтения – некое священнодействие, хотя сестры очень по-разному воспринимали книги. Французские романы захватывали мать и Марину. Некоторые книги, как дорогое вино, «отстаивались», ждали своего часа. Эту культуру мать передала детям, о чем тоже вспоминает Анастасия: «О другом английском романе мама говорила: «Вырастете, будете читать «Джен Эйр» [4, с. 122] – и уже начиналось предвкушение знакомства с еще одним новым и прекрасным миром выдумки, словно бы каждая книга – дверь в волшебную страну, в которой рыцари благородны, злодеи всегда побеждены, а любовь непременно счастливая. В волшебной стране чужой выдумки Мария Мейн всегда искала спасения от своей несчастливой судьбы:

...Сдавленный шепот... Сверканье кинжала.

– «Мама, построй мне из кубиков домик!»

Мама взволнованно к сердцу прижала Маленький томик.

... Гневом глаза загорелись у графа:

«Здесь я, княгиня, по благости рока!»

– «Мама, а в море не тонет жирафа?»

Мама душою – далеко!

(1, с. 46)

Юная Марина росла, окруженная литературными героями, иногда они становились ближе живых людей, и потому жажда получить книгу оправдывает все, даже нарушение наказа строгой матери, как то проникновение в Лёрин (сводной сестры Валерии) книжный шкаф, скрывание заветного тома, принесенного из гимназии, от Аси.

В раннем детстве сестрам читали литературу волшебную: «зловеще колдовского» «Щелкунчика» Гофмана, вообще Гофмана читали много, и Андерсена с его «Русалочкой» и «Снежной королевой». С Маленькой разбойницей, по воспоминаниям сестры, было у Марины «некое панибратство, узнавание себя в другом...» [4, с. 125]. Можно утверждать, что на формирование мировоз-

зрения Цветаевой оказал большое влияние русский и западноевропейский фольклор, то есть сказка как таковая, какой бы вид она ни принимала, в какой бы жанр ни облекалась.

В первом сборнике стихов «Вечерний альбом» Цветаева создает образ любимого ею дома в Трехпрудном переулке, представляя его местом совершенно волшебным. Выдающийся русский исследователь В. Пропп в своей работе «Исторические корни волшебной сказки» [5] вписывает дом в общее мифологическое сказочное пространство, в рамках которого дом противостоит чужому пространству леса, другого царства – мира взрослой жизни, которого юные хозяйки, названные «царевнами», боятся, потому что в нем разрушается сказка.

*Был заповедными соснами
В темном бору вековом
Прежде наш домик любимый...*
(1, с. 172)

Цветаева обращается к дому то как к «розовому домику», то как к «избушке», то как к «терему», но все это разные лики одного, навек любимого дома.

Так коротко это счастье детства, так хрупко, и оба первых сборника чаще всего рисуют картины сиюминутные, ловят мгновенные впечатления, которые никогда не повторятся, словно специально стремясь сохранить их в памяти. В стихотворении «Сказочный Шварцвальд» «хижина-игрушка» собственно волшебный дом из «царства доброй полумглы» становится тоже хранителем памяти.

*На поляне хижина-игрушка
Мирно спит под шепчущий ручей...*
(1, с. 44)

Старушка сказочница, обитающая в хижине, готова открыть любопытному все волшебные тайны.

*Если добр и ласков ты, как дети,
Если мил тебе и луч, и куст,
Все, что встарь случилось на свете,
Ты узнаешь из столетних уст.*
(1, с. 41)

Чем менее гостеприимен был реальный дом детства Цветаевой, тем более уютным и светлым делает она поэтический образ этого дома и тем пронзительнее боль от его утраты.

*Меж великанов-соседей, как гномик,
Он удивлялся всему.
Маленький розовый домик,
Чем он мешал и кому?*
(1, с. 145)

В нем с наступлением сумерек начинается волшебство, в нем обитают феи, он воплощение детских грез, этот розовый (цвета мечты) домик, однако каждая строфа стихотворения, оканчивающаяся вопросом («Чем он мешал и кому? Чем ты смутил и кого?»), напоминает о том, как зыбки грезы и как недолговечен мир этого розового детства. Мотив разрушения, окончания счастья неизменно соседствует рядом с самыми радостными образами. Если обратиться к фольклорным произведениям, то легко заметить, что счастье и горе в них всегда рядом, то есть Цветаева черпает из фольклора не только образ, но и сам принцип, который позже в полной мере реализуется в произведениях зрелой лирики.

Марина начала читать с четырех лет, не это ли стремление поскорее узнать, что там дальше, не дожидаясь вечера, подтолкнуло ее впитывать буквы так же жадно, как музыку, которой учила мать. Вместе с тем уже тогда через книги и изучение языков маленькая Марина усваивала сам дух литературы, и потому для нее своей и чужой литературы нет, есть общее и главное – книга. Полны удивительной чуткости стихотворения первых двух сборников «Вечерний альбом» (1911 г.) и «Волшебный фонарь» (1912 г.), которые раскрывают это процесс чтения:

*Мы в траве уселись, молчаливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.*

Едва начинается чтение, как весь мир обесцвечивался: подлинная жизнь и красота были только в книгах.

*Ульрих – мой герой, а Георг – Асин,
Каждый доблестью пленить сумел:
Герцог Ульрих так светло-несчастен,
Рыцарь Георг так влюбленно-смел!*

*Словно песня – милый голос мамы,
Волшебство творят ее уста.*
(1, с. 42)

Выбор героев сестрами не случаен: эта романтическая грусть – от матери – пройдет с Мариной через все ее творчество. От того, возможно, так много в лирике Цветаевой будет игры, творчески переосмысленных образов

героев пережитых ею книг. Да, именно пережитых. Чтение как переживание, бесспорно, есть высшая форма чтения, это уже *сотворчество*. Так, в ее стихах возникнет образ Кармен и Дон Жуана, Манон Леско и кавалера де Гриэ, но это позже, а в ранних сборниках – Чародей, Колдун и Потомок шведских королей с трагической судьбой и отравляющей жизнь гордыней. Образы литературных персонажей Тирсо де Молина, Дж. Байрона, аббата Прево, из средневековой «Песни о Роланде» и проч., но переосмысленные и перевоссозданные в собственной поэтической реальности, иногда до того захватывают лирическую героиню, что уже трудно становится разобрать в куртуазной игре, где гордый принц, а где лирический герой, Манон, а где Марина:

*Долг и честь. Кавалер, – условность.
Дай Вам Бог целый полк любовниц!
Изъявляя при сем готовность...
Страстно любящая Вас
– М.
(1, с. 383)*

*О, вы, кому всего милей
Победоносные аккорды, –
Падите ниц! Пред вами гордый
Потомок шведских королей.
(1, с. 71)*

Эта черта романтизировать действительность проявлялась не только в творчестве, но и в обычной жизни. Чего стоят бесконечные сказочные прозвища, которыми юная Марина награждала знакомых. Так, Л.А. Мамбурер, зубной врач сестер, получила прозвище Драконна.

Усваивая европейскую культуру с детства, в лирике Цветаева воссоздает колорит прочитанных книг, так ее героини становятся не бестелесными выдумками, а действительными жизненными переживаниями. Круг этих детских книг с возрастом читательницы меняется, переходя от сказок к литературе о ровесниках, таких же детях, но с нелегкой судьбой:

*– О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!
(1, с. 44)*

С появлением в доме новой гувернант-

ки, русской немки, которую дети окрестили ласковым прозвищем *Киска*, приходит знакомство с другой литературой. Гувернантка имела современные убеждения – против царя, против монархии, за страдающий народ, она много говорит о Некрасове, Лермонтове, Пушкине – так начинается заболевание стихами Пушкина, вольнолюбивыми, сильными, такими созвучными душе самой Марины. Имея музыкальную одаренность, тонко чувствуя ритм, с ранней юности Цветаева тянется к поэзии всем своим существом, но никогда никакой подражательности в ее стихах нет: возвращенная на благодатной почве искусства она выросла самобытным поэтом. В свое время оказываются в ее руках и стихи современных – уже легендарных – поэтов как А. Блок и Н. Гумилев, приходит время для сказок Соловьева, таких созвучных гофмановским образам, впечатлениям ее детства.

*О, эта молодость земная!
Все так старо – и все так ново!
У приоткрытого окна я
Читаю сказки Соловьева.
(1, с. 77)*

Отвечая на вопросы в небольшой анкете, присланной Б. Пастернаком перед публикацией ее стихов, о книгах Марина Цветаева написала: «Любимые книги в мире, те, с которыми сожгут: «Нибелунги, «Илиада», «Слово о полку Игореве» [3, с. 7].

В этом выборе вся она, с этим удивительным чувством собственности в пространстве вседоступного, но ощущаемого ею как личное – с этим глубинным пониманием эстетики и искусства в их первоначальном – бесспорном – значении.

Знакомство ее с Пушкиным, начатое в самом раннем детстве с первыми книгами, по рассказам матери, было не просто знакомство читателя с поэтом, даже со *своим* поэтом – нет, это было снова *переживание*, но такое, от которого она уже не отрекалась. В эссе «Мой Пушкин» Цветаева вспомнит страстный рассказ матери: «<...>Нет, нет, ты только представь себе! Смертельно раненный, в снегу, а не от казался от выстрела! – тоном такого восхищения, каким ей, христианке, естественно бы: – Смертельно раненный, в крови, а простил врагу! Отшвырнул пистолет <...> не подозревая, какой урок <...> страсти - на всю жизнь дает четырехлетней, еле грамотной мне. <...> Пушкин был мой первый поэт, и моего первого поэта – убили. С тех пор, да, с тех пор, как

Пушкина на моих глазах на картине Наумова – убили, ежедневно, ежечасно, непрерывно убивали все мое младенчество, детство, юность – я поделила мир на поэта – и всех, и выбрала – поэта...» [2]. Так родился мир Цветаевой, мир поэта контрастов, поэта крайностей, певца большой любви и большой трагедии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Цветаева М.И. Собр. соч.: в 7 т./ сост. А. Саакянц

и Л. Мухин. – М.: Эллис Лак, 1994. – Т. 1.

2. Цветаева М.И. «Мой Пушкин». Собр. соч.: в 7 т. / сост. А. Саакянц и Л. Мухин. – М.: Эллис Лак, 1994. – Т. 5.

3. Цветаева М.И. Любви старинные туманы: стихотворения 1911-1921 гг. Ред.-сост. И.А. Курамжина. – М.: Центр-100, 1996.

4. Цветаева А.И. Воспоминания. В 2. т. – М.: Бослен, 2008. – Т. 1.

5. Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки». – М.: Лабиринт, 2008.

УДК 82-1 “18”

Науман И.В.

СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА В ОЦЕНКЕ Н.В. ГОГОЛЯ*

Аннотация. В статье рассматривается программное положение литературно-критического наследия Н.В. Гоголя о своеобразии развития русской поэзии.

В основу работы положено исследование Н.В. Гоголя «В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чем её особенность», где выдающийся русский писатель размышляет об источниках русской поэзии.

Ключевые слова: источник русской поэзии, огниво европейского просвещения, торжествующий пафос русской поэзии.

I. Nauman

ORIGINALITY OF DEVELOPMENT IN RUSSIAN POETRY IN N. GOGOL'S VIEW

Abstract. The article speaks about the program thesis of Gogol's literature-critical inheritance on the originality of development in Russian poetry.

The basis of work is the article of N. Gogol «What is, finally, the essence of Russian poetry and what is its feature», where the outstanding Russian writer reflects on Russian poetry sources.

Key words: source of Russian poetry, spark of the European education, triumphing pathos of Russian poetry.

В русском литературоведении обычно вызывают большой интерес научные исследования о жизни и творчестве Н.В. Гоголя [1], его духовной прозе [2], философских [3] и богословских [4] убеждениях. Однако, к сожалению, в литературоведческих работах не

находит полного отражения его литературно-критическая деятельность.

Между тем, в литературно-исторической эстетике Н.В. Гоголя важное место занимает программное положение о существе и особенностях русской поэзии [5].

Несмотря на внешние признаки подражания, в нашей поэзии, по мнению Гоголя, есть очень много своего. Самородный ключ её уже бил в груди народа тогда, как само имя русской поэзии ещё не было ни на чьих устах. Струи его пробивались в наших песнях, в которых мало привязанности к жизни и её предметам, но много привязанности какому-то безграничному разгулу, к стремлению как бы унести куда-то вместе со звуками. Струи его пробивались, считает Гоголь, в пословицах, поговорках наших, в которых видна необыкновенная полнота народного ума, умевшего сделать всё своим орудием: иронию, насмешку, наглядность, меткость живописного соображения, чтобы составить животрепещущее слово, которое принимает насквозь природу русского человека, хватая за всё живое. Струи его пробиваются, наконец, по мнению писателя, в самом слове церковных пастырей – слове простом, некрасноречивом, но замечательном по стремлению стать на высоту того святого бесстрастия, на которую определено взойти христианину, по стремлению направить человека не «увлечением сердечным, но к высшей, умной трезвости духовной».

Всё это пророчило для нашей поэзии какое-то другим народам неведомое, своеобразное развитие. Но не из этих трёх источников, уже в нас пребывавших, считает Гоголь, ведёт начало наша сладкозвучная поэзия, ныне нас

* © Науман И.В.